

УДК 342:004
ББК 67.400с51

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Т. И. Ряховская

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)*

Автор рассматривает явление цифровизации, беря за основу идею о том, что из-за повсеместного распространения и прогрессирующей трансграничности цифрового общества она представляет собой фактор универсализации и развития конституционного права, касающийся большинства государств мира.

Анализируется массив международно-правовых актов, относящихся к данной сфере. Основываясь на его нормах, делается вывод о том, что в основном конституционными универсалиями наполняется институт прав и свобод человека и гражданина. Также обнаруживаются признаки процесса конвергенции систем международного и внутригосударственного права.

Очерчивается круг проблем правового регулирования процессов информатизации и цифровизации во внутригосударственном праве, акцентируется внимание на формировании новой модели государственности. Отмечаются вопросы, связанные с проявлением внутренней стороны суверенитета государства. Заостряется внимание на недостаточной проработке нормативных правовых актов в этой сфере.

Ключевые слова: цифровизация в праве, информатизация в праве, конституционная универсальность, универсализация в праве, права и свободы человека и гражданина, информационные права

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE UNIVERSALIZATION AND DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL LAW: SOME ISSUES

T. I. Ryakhovskaya

Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia)

In the presented article, the author examines such a phenomenon as digitalization, taking as a basis the idea that due to the widespread distribution and progressive transboundary nature of the digital society, it represents a factor in the universalization and development of constitutional law, concerning most states of the world.

The researcher analyzes the array of international legal acts related to this area. Based on its norms, the conclusion is made that the institute of human and civil rights and freedoms is mainly filled with constitutional universals. Signs of the process of convergence of the systems of international and domestic law are also found.

The article outlines the range of problems of legal regulation of informatization and digitalization processes in domestic law, focusing on the formation of a new model of statehood. Issues related to the manifestation of the internal side of state sovereignty are noted. Attention is focused on the insufficient development of regulatory legal acts in this area.

Keywords: digitalization in law, informatization in law, constitutional universality, universalization in law, human and civil rights and freedoms, information rights

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.8](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.8)

Такие термины, как «цифровизация», «компьютерные технологии», «информационное общество», стали не чужды не только России, но и большинству стран мира, что, безусловно, закладывает основу для формирования универсального в праве в целом и в конституционном праве в частности.

На некоторые важные моменты в сфере цифровизации обращал свое внимание в Послании Федеральному Собранию РФ еще в 2018 г. Президент РФ В. В. Путин, отмечая, что необходимо технологически развивать государство, чтобы не утратить национальный суверенитет; создавать массив нормативных правовых актов по применению новых технологий, который бы постоянно обновлялся, снимая затруднения с активизации «применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли и др.» [1].

В этом контексте весьма ярко прослеживается проблема несколько замедленного реагирования отечественного конституционного права на уже существующие и новые, только начинающие складываться общественные отношения. Безусловно, такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной в связи с тем, что Конституция РФ является системообразующим нормативным правовым актом действующего правового массива. Вместе с тем относительно государств, имеющих конституции доцифровой эпохи, Российская Федерация одной из первых, благодаря поправкам 2020 г. в Основной закон, закрепила положения, касающиеся информационных отношений. Это отразилось, например, в п. «и», «м» ст. 71, в которых уточняется, что в ведении Российской Федерации находятся вопросы «информации, информационных технологий и связи», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных». Следует отметить, что закрепление указанного, к сожалению, не конкретизирует важнейших понятий, однако иллюстрирует попытку со стороны Российской Федерации продолжить конституционно-правовое развитие с учетом наличия отдельных универсальных категорий в отечественной правовой среде, которые, по идее, впоследствии могут наполниться некоторыми чертами конституционной самобытности.

Примечательно, что термин «цифровизация» не имеет легального закрепления, однако впервые он употребляется, как это заметил А. А. Саурин [2, с. 26], в Приказе Госкомитета по связи и информации РФ от 19 октября 1998 г. № 187 «Об утверждении правил технической эксплуатации первичных сетей взаимоувязанной сети связи РФ» [3], где описывается переход от аналоговых ресурсов к цифровым. Однако, несмотря на частое использование, этот термин пока не уточнен и часто употребляется как синоним «информатизации».

Впрочем, и иные категории, связанные с этой сферой, довольно часто ставят в один ряд: «информационные права» и «цифровые права», «информационное общество» и «цифровое общество», «информационная сфера» и «цифровая сфера», «оцифровка» и «цифровизация» и др., что, в общем-то, как пишет Т. С. Масловская, не является допустимым [4, с. 19]. Таким образом, доктриной обнаруживается, что было бы не лишним в первую очередь четко определить терминологический аппарат, который касается сферы регулируемых общественных отношений.

Полагаем, под цифровизацией можно понимать интеграцию в различные области цифрового способа связи, формирования, сохранения и передачи данных с помощью специальных технических устройств, предназначенных для получения и обработки информации в цифровом формате, с целью повышения скорости и эффективности решения различных задач. Так как описанное происходит повсеместно, цифровизация становится причиной, условием, т. е. фактором, способствующим становлению новых, общих правил взаимодействия, которые распространяются на всех участников общественных отношений и на правовые системы государств мира.

Как верно отмечает В. Д. Зорькин, «зарождается новое право, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта» [5].

В этом контексте нельзя не обратить внимание на тот массив международно-правовых актов, которые задают вектор развития праву конституционному, в связи с тесным переплетением их предмета правового регулирования с национальным правом.

В частности, Окинавская хартия Глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 г.) [6], представляющая собой обобщенное мнение государств — участников «Группы Восьми», стала отправной точкой для формирования внутригосударственного законодательства в сфере информатизации и цифровизации, а также иных международно-правовых актов.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» подтверждает, что «те же права, которые человек имеет в оф-

лайновой среде, должны так же защищаться и в онлайн-среде, включая право на неприкосновенность личной жизни». Этим международно-правовым актом государствам рекомендуется привести свое внутригосударственное законодательство в соответствие с наднациональным, а также в соответствии с международными обязательствами по международному праву прав человека [7].

Более того, «Комитет ООН по правам человека в своих рекомендациях указал РФ на необходимость принять специальное законодательство о защите частной жизни» [8, с. 102], — на что обратили внимание некоторые исследователи.

На региональном уровне существующим Договором о Евразийском экономическом союзе регламентировано (ст. 3), что «для обеспечения эффективного взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем государства-члены проводят согласованную политику в области информатизации и информационных технологий» [9].

Второй по счету Модельный информационный кодекс для государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. (первый — от 3 апреля 2008 г.) легально закрепил термин «информация» (ст. 2) как «любые сведения, сообщения и (или) данные, независимо от формы их предоставления <...>, которые могут быть физически зафиксированы на материальных носителях или отображены в электронном виде» и в ст. 3 определил, что «национальное законодательство в сфере информации основывается на конституции государства с учетом применимых норм международного права в форме международных договоров <...>» [10].

Таким образом, следует констатировать, что международным правом довольно оперативно выработаны некоторые универсальные позиции для государств, которых они должны придерживаться при формировании внутреннего законодательства по вопросам информатизации и цифровизации. Однако все зависит не только от установленных «общих стандартов», но и от степени развития этого направления в конкретно взятой стране.

В России задолго до конституционных поправок 2020 г. система нормативного регулирования начинает откликаться на формирование новых общественных отношений, что подтверждается следующими документами:

1. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе „Электронная Россия (2002-2010 годы)“» [11]. В результате ее реализации, например, была сформирована инфраструктура электронного правительства, создан и работает, продолжая наполняться новыми возможностями, «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» [12].

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [13], которым были установлены основные понятия, затрагивающие вопросы распространения, хранения информации как офлайн, так и в сети Интернет. Термин «информация», закрепленный в законе, имеет схожие черты с тем, что изложен в указанном выше Модельном информационном кодексе, что может свидетельствовать о проникновении норм внутригосударственного права в международное. Следует заметить, что в России этот термин оказался легально закреплен раньше, чем это произошло в первом и втором Модельных кодексах, это дает возможность предположить, что представленное может являться иллюстрацией сближения национальных начал и международного права и отражение последних во внутригосударственном праве, но через иные механизмы. Иными словами — процесса конвергенции.

3. Доктрина информационной безопасности России, утвержденная Указом Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646, которой уточнено, что «под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности <...>» [14].

4. Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203, зафиксировала в пп. «г» п. 4, что «информационное общество — общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан», в п. 17 отмечено, что «международно-правовые механизмы, позволяющие отстаивать суверенное право государств

на регулирование информационного пространства, в том числе в национальном сегменте сети Интернет, не установлены» [15], таким образом, не только на уровне научных изысканий, но и нормативно определена проблема запаздывания правового регулирования относительно скорости развития новых общественных отношений.

5. К изложенному следует добавить, что в 2014 г. благодаря деятельности специалистов ИГП РАН был создан Проект концепции информационного кодекса России. Важнейшими задачами, решаемыми его нормами, являются: конкретизация права граждан на информацию; уточнение вопросов, касающихся ее оборота; установление стандартов, предъявляемых к государственным информационным системам.

По нашему мнению, обозначенные нормативные правовые акты лишь точечно «закрывают» проблему детальной правовой регламентации новой модели государственности.

Е. С. Аничкин отмечает, что единая доктрина, в которой была бы отражена структурно-функциональная характеристика складывающейся модели государственности, пока отсутствует [16, с. 19]. В то же время хотелось бы отметить, что наличие стратегий и доктрин не должно заменять собой качественно проработанных законов, носящих императивную составляющую.

Рассматривая модель государственности, формирующуюся в информационном пространстве, следует заострить внимание на некоторых узловых моментах, имеющих публично-правовой характер, которые, к сожалению, пока так и не нашли своей регламентации в правовом поле.

Во-первых, следует заметить, что в эпоху построения цифрового государства объектом цифровизации становится не только оно само, но и его суверенитет, что ставит «вопрос соотношения «традиционного» вида суверенитета с «новыми» (информационным и неинформационным) [17, с. 192].

Как справедливо замечает А. А. Ефремов, особенностью правовой категории информационного суверенитета государства является способность государства реализовывать правовое регулирование определенного информационного пространства, которое может быть осуществлено как посредством внутригосударственных норм, так и норм наднационального права [18, с. 211].

Во-вторых, как пишет С. В. Липень, «новые теории, связанные с виртуализацией политической жизни, могут быть противопоставлены традиционным подходам к политико-правовой системе» [19, с. 31]. Появляются новые формы демократии: выражение воли народа посредством информационно-коммуникационных технологий, находящее свой результат в электронном голосовании и электронной петиции.

В-третьих, Е. В. Комбарова обращает внимание на появление такого феномена, как «транспарентность органов государственной власти — обеспечение открытости и доступности информации о решениях и действиях органов государственной власти» [20, с. 15], однако при видимом положительном результате это явление провоцирует цифровое неравенство среди граждан Российской Федерации, так как не все имеют доступ, например, к сети Интернет.

В-четвертых, активное развитие «цифровой экономики» требует ее правовой регламентации, которую представляется возможным осуществить посредством выработки новых нормативных правовых актов, направленных на регулирование формирующихся общественных отношений. Следует добавить, что существует национальный проект «Цифровая экономика», но система его правового регулирования еще только будет разработана, как утверждает на сайте проекта [21]. Вместе с тем интернет-торговля идет, активно работают различные платформы и доля ее относительно оффлайна растет.

И наконец, с развитием информационных технологий появились, но до сих пор не решены важнейшие вопросы, касающиеся реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, ввиду того что содержание перечисленных в Главе 2 Конституции РФ прав и свобод существенно трансформировалось и наполнилось новым смыслом.

По идее, речь не идет о появлении абсолютно новых прав (это уточняют В. Д. Зорькин [5], Н. В. Варламова [22]), которые были бы ранее не известны государствоведению, но необходимость в конституционно-правовом регулировании цифровых прав особо актуализировалась в современный период.

Например, гарантированное Конституцией РФ право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31) приобрело свое цифровое выражение в виде виртуальных митингов и собраний. Право избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32)

тоже трансформировалось, добавив новую возможность своей реализации, выразившуюся в проведении дистанционного электронного голосования. Право на образование (ст. 43) предполагает теперь не только ранее известные формы обучения: очную, очно-заочную и заочную, но и дистанционную. Право на свободу творческой деятельности (ст. 44) теперь может быть выражено и посредством деятельности соответствующего субъекта в интернете (ведение страниц в социальных сетях, представление широкой аудитории фото- и видеоматериалов).

В то же время в связи с вышеизложенным возникает и ряд вопросов, связанных с проявлением внутренней стороны суверенитета государства:

1) как обеспечить равенство в реализации этих прав, если не у всех граждан РФ есть доступ к «цифровым инструментам» (компьютеры, смартфоны);

2) как ликвидировать противоречие, например, принципа бесплатного доступа населения к образованию и наличие требований о введении того же самого электронного дневника школьника, доступ к которому подразумевает плату за услуги интернет-провайдера;

3) как регламентировать и обеспечить право субъекта на «исправление, удаление или прекращение обработки персональных данных по требованию их субъекта при наличии для этого основания» [22, с. 141], т.е. право на забвение;

4) каковы пределы контроля информационной среды со стороны государства;

5) как обеспечить неприкосновенность частной жизни в сети Интернет.

По мнению Е. С. Аничкина, обозначенные проблемные позиции в условиях повсеместного развития информационных технологий могут быть сведены к основному вопросу, касающемуся «поиска баланса между интересами государства, общества и отдельного человека» [16, с. 21].

Полагаем, нет необходимости создавать новые положения о правах и свободах человека и гражданина в Конституции РФ, которые бы касались цифровой сферы, так как нормы Основного закона традиционно имеют общий характер: для их конкретизации следует использовать отраслевое законодательство, а также возможность обратиться в Конституционный Суд РФ.

Примечательно, что непосредственно в подборках решений на официальном сайте Конституционного Суда РФ не содержится материалов об «информационных правах» или «праве на информацию» [23]. Такого раздела просто-напросто нет. Однако есть, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 18-П, в котором судьи подчеркнули, что в связи с принципиальной трансформацией способов распространения информации «существует необходимость введения в правовое регулирование дополнительных законодательных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации» [24], что наглядно иллюстрирует потребность в создании массива нормативных правовых актов, конкретизирующих отмеченное Конституционным Судом.

Описанное лишь дискретно фокусирует акценты на имеющихся вопросах, возникающих в конституционном праве под влиянием такого фактора его развития, как цифровизация.

В то же время можно обратить внимание и на изменение предмета конституционного права, расширение его границ, что связано с трансформацией объектов правового регулирования, происходящей под влиянием информатизации и цифровизации общества и государства.

Полагаем, что на фоне прогрессирующей транснациональности цифрового общества есть вероятность заметной универсализации норм конституционного права, происходящей под влиянием международного регулирования прав человека, что связано с выработкой не только национальных, но и наднациональных правил их защиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Послание Президента РФ Путина В. В. 1 марта 2018 года Федеральному Собранию РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 02.05.2025).

2. Саурин А. А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 26–31.

3. Об утверждении правил технической эксплуатации первичных сетей взаимосвязанной сети связи РФ : Приказ Госкомитета по связи и информации РФ от 19.10.1998 № 187 // СПС Консультант Плюс. Версия Проф.

4. Масловская Т. С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.
5. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая. № 115.
6. Окинавская хартия Глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения 02.05.2025)
7. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.2013 № 68/167. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/49/PDF/N1344949.pdf?OpenElement> (дата обращения 02.05.2025).
8. Карасев А. Т., Кожевников О. А., Мещерягина В. А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 99–119.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения 02.05.2025)
10. Модельный информационный кодекс для государств — участников СНГ от 28.10.2022, принят Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств // Официальный портал Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/30 (дата обращения 03.05.2025)
11. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531.
12. Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.). URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/> (дата обращения 03.05.2025).
13. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3448.
14. Об утверждении Доктрины информационной безопасности России : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 03.05.2025)
15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
16. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
17. Шафалович А. А. Вызовы конституционному праву в эпоху цифрового государства // Российский конституционализм: научное осмысление и реальность : материалы X Международного конституционного форума, посвященного 100-летию Конституции РСФСР 1918 г., 25-летию Конституции РФ 1993 г., 70-летию Всеобщей декларации прав человека. М., 2019. С. 190–194.
18. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
19. Липень С. В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 1. С. 31–40.
20. Комбарова Е. В. Транспарентность органов публичной власти в условиях формирования информационного общества в России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 15–18.
21. Национальные проекты Российской Федерации. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaia-ekonomika> (дата обращения 12.05.2025)
22. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 5. С. 141–167.
23. Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/lp.aspx> (дата обращения 15.05.2025)
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2013/07/19/ks-gk-dok.html> (дата обращения 15.05.2025).